

Александр ШЕВЧЕНКО,
9 класс, школа «Надежда», г. Москва

Жизнь и смерть

Ночь, темно, тишина... это произошло совсем недавно и внезапно. Последнее время она никак не давала о себе знать. Она тихо и спокойно доживала свои годы... одна...

На меня напали воспоминания... именно напали, я о ней очень редко вспоминал последнее время... она всегда забирала меня из школы, водила меня на каток. Помню, когда я первый раз встал на коньки, она попросила меня не падать, и я не упал, я чувствовал ее взгляд и старался, как мог, и у меня получилось. Еще помню ее подарки: красивую маленькую лакированную клюшку с росписями всех хоккеистов сборной, маленькую зеленую фигурку дракона, а еще помню ее задумку: все члены моей семьи покупают по машинке и приносят их после работы. Мои родные согласились, и к вечеру у меня была целая коллекция: грузовичок — от мамы, трактор — от папы, легковушка — от бабушки...

Однажды в гололед по пути домой она упала (помню, как я стоял и смотрел на нее, я растерялся, растворился, свернулся в комок, было ощущение, что мир начал рушиться, и огромный осколок попал в меня), у нее было сотрясение мозга, она до конца жизни мучилась головной болью, перенесла два инсульта... и в этом была и моя вина, я до сих пор думаю: а что было бы, если она тогда...

И вот она умерла. Это известие вихрем пронеслось по всему моему телу и, опустошив меня, легло на дно моей души, проело ее и ушло. Я чувствовал мощь этой силы, которая отобрала ее у меня, чувствовал неотвратимость судьбы, силу смерти. Эта дыра в моей душе заживет нескоро. Мне стало страшно. Я пошел к ней домой... я шел

по улице и глотал слезы, я набрал код домофона: длинные гудки — я забыл что там, на другом конце, мне уже некому ответить...

Я стал подниматься по ступеням. Я считал их: одна, две, три, тяжело. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, еще тяжелее. Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят, они кончились, кончились. Я замер и не делал ни шагу. Так я стоял довольно долго, мучительно больно было сделать хоть шаг, но скоро я перестал что-либо чувствовать, тело успокоилось, я вошел в ее квартиру...

Большая, тихая, спокойная комната, как и она. Вдоль стены тянулся деревянный

секционный шкаф, в котором бабушка хранила старые вещи: фотографии, стеклянные фигурки, хрустальные фужеры, письма, сувениры, украшения, одежду, которую она долго уже не носила, и многое другое. Слева стояла ее кровать, последние года два она с нее не вставала, временами впадала в беспамятство. Потом и это кончилось, она просто лежала, ничего не хотела, ничего не про-

сила, как сейчас, она просто лежала...

Я не мог сдерживать слез. Вышел на кухню. На стене, обклеенной старыми обоями, висели часы в виде большой расписной тарелки, полученные ею во время Великой Отечественной войны. Часы еще ходили, я подошел и попытался остановить их. Стрелки сопротивлялись, но вскоре затихли, ослабли и покорно замерли. Воцарилась тишина. И опять ночь, тишина, но ее больше нет... и в этой тишине я различал другую тишину, которую так боятся люди...